

Геннадий КОРОЛЁВ

Vasyl Kuchabsky, *Western Ukraine in Conflict with Poland and Bolshevism, 1918–1923*, Transl. from the German by Gus Fagan (Edmonton, Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 2009). 361 pp. Bibliography, Maps, Index. ISBN: 978-1-894865-13-5.

История украинской революции 1917–1921 гг. насыщена множеством неоднозначных событий, которые тесно взаимосвязаны с трагизмом судеб ее участников и современников. Политические и общественные деятели, которые принимали активное участие в генезисе украинской революции, форм национальной государственности, развития идеи самостоятельной державы, создали огромный пласт источников – воспоминаний, дневников, мемуаров и статей, опубликованных на “злобу дня”. Одним из них был Василий Кучабский (1895–1971)¹ – участник революционных событий, которые происходили в Западной Украине.

Сущность исторического пути этой части Украины по многим аспектам отличается от тенден-

ций политического, социально-экономического, культурного развития Надднепрянской Украины, или Большой Украины, как очень удачно ее назвал известный историк (и политик) Михаил Грушевский. Значительное влияние центральноевропейских и восточноевропейских процессов на формирование общественного уклада Галиции и идентичности ее населения, которую тот же Грушевский определил как “галицкий партикуляризм”, легли в основу трансформаций, вызванных революционными событиями в Австро-Венгерской и Российской империях. Парадокс заключается в том, что западноукраинские национальные деятели постоянно говорили об особом историческом пути Галиции и вхождении ее в состав “новой” Европы, при этом полностью игнорируя соборнические идеалы своих собратьев с Большой Украины. Фактически воспоминания всех участников революции на западноукраинских землях в 1917–1921 гг. в той или иной форме воспроизводят эту идейно-политическую позицию.

Анализ дискурсивных практик и концептуальных основ трудов, созданных участниками и совре-

¹ В современной историографии фигура Кучабского только начала привлекать внимание исследователей, см., например: С. Д. Гелей. Консервативна течія в суспільно-політичній думці України XIX ст. Львів, 1996; Он же. Василь Кучабський: Від національної ідеї до державності (Українська консервативна політична думка першої половини XX ст. та її вклад в історичну науку). Львів, 1998.

менниками революции, позволяет определить наличие внутреннего противоречия между реальной позицией и деятельностью автора, а также его текстом и оценкой событий вообще и участием в них его личности в частности. Кучабский был “сыном своей эпохи”; сформировавшись как революционер, он планомерно утверждался как консерватор и националист. Такой процесс идеологических трансформаций отображал изменения в сфере политической идентификации деятелей революционных событий в Западной Украине. Закономерно, что он вместе с полковником украинских сечевых стрельцов Е. Коновальцем стоял у истоков Украинской военной организации, которая в будущем станет материнской структурой Организации украинских националистов.

Рецензируемый труд Кучабского является переводом с немецкого его фундаментальной научной монографии *Die Westukraine im Kampfe mit Polen und dem Bolshewismus in den Jahren 1918–1923* (Берлин, 1934), которая была опубликована в качестве издания военно-исторического семинара, действовавшего при Берлинском университете. Следует отметить, что работа написана на основе широкой источниковедческой базы, включающей украинские, польские, российские, немецкие,

французские и английские документы и материалы. В свое время этот труд Кучабского (русскоязычный перевод его заглавия – “Западная Украина в борьбе с Польшей и большевизмом, 1918–1923”) являлся историческим исследованием (или претендовал на него), теперь же историк может воспринимать его, скорее, как историографический источник или памятник.

В книге автор пытался отойти от оценочных и субъективных характеристик, изложить материал в соответствии с канонами работы исследователя. В украинских эмиграционных кругах Западной Европы книга Кучабского впервые актуализировала ряд вопросов периода “освободительных соревнований 1917–1921 гг.”. Важно отметить, что исторический дискурс развития Западной Украины в эпоху революций “выстраивался” в работе исходя из мировоззренческих и идеологических позиций автора, был своего рода оправдательным манифестом после поражения западноукраинских революционных деятелей. Сам ученый в письме к украинскому историку С. Томашевскому от 7 февраля 1929 г. так изложил главную идею своего труда:

...это чисто историческая работа и имеет целью описать истинный ход событий в Галиции, а еще срав-

нить положение Западной Украины с положением в Польше и на Надднепрянщине, высказать решающие моменты, пока галичане могли еще на целую Галицию рассчитывать, от какого момента дело Львова было безнадежным и с какого времени дело государственности на Западной Украине было без счета проиграно. Дальше нужно коснуться политики антантовских государств в Восточной Европе, дела российской контрреволюции и в конце выяснить, какое значение имело б для европейской, в частности, восточноевропейской системы государств восстание западноукраинской державы...²

Исследование Кучабского базировалось на “трех китах”: консерватизме его политических оценок и суждений, в основе которого лежали антикоммунистические принципы и отрицание роли революций в истории; антипольских убеждениях; резком неприятии большевизма как политической силы и идеологии.

В предисловии к монографии ее автор отмечал, что она освещает внутреннее положение

Украины в период революции, в частности ее политические и военные позиции, а также попытки установления международных связей, которые оказали определяющее влияние на заключительном этапе украинской революции 1917–1921 гг. Особое место в работе занимал анализ тенденций возрождения Российской империи и Польской республики, ситуации в Центральной Европе, вызванной противоречивыми решениями Версальского договора, а также восточноевропейской политики отдельных западных государств, в частности стран Антанты. Интересной для современного историка может показаться присутствующая у Кучабского абстракция из области “символической географии”, указывающая на принадлежность Западной Украины к Центральной Европе как особому региону с прозападными историческими традициями, которые были определенным способом деформированы могущественным влиянием Австро-Венгерской и Османской империй. Читатель XXI века, листая страницы его работы, еще раз убеждается в том, что именно имперский контекст стал катализатором развития идеи национальной государственности у народов Центральной Европы,

² Центральный государственный исторический архив Украины в г. Львове. Ф. 368. Оп. 1. Д. 177. Л. 11-14.

которые западная политическая и философская традиция причисляла к “неисторическим”.

Книга Кучабского в ее нынешнем восприятии, впрочем, может выходить за рамки исторического нарратива, в котором фиксируются события в Западной Украине, и восприниматься как историософское исследование. Эта жанровая характеристика позволяет осознать стержневые научные, политические, идеологические мотивы ее автора, связанные с реконструкцией исторических событий и явлений революционной эпохи 1917–1923 гг. (в западноукраинской историографии эти хронологические рамки, напомним, основывались на решении Парижской мирной конференции, где было принято решение о передаче Восточной Галиции Польше). Не вызывает также сомнения, что труд написан в ключе украинской “государственнической историографии” и под непосредственным влиянием консервативной концепции Вячеслава Липинского.³

Кучабский аргументировано критиковал процесс возрождения польской государственности, которая была в его представлении продуктом постимперских интенций политической элиты и ее догматического мышления, замешанного на революционном

социализме и этническом национализме. Ученый проникательно характеризовал генезис Польской республики, тем самым обосновывая возможную перспективу аннексии Восточной Галиции ее лидерами. В конечном итоге так и случилось. Автор резюмировал, “что покорение Восточной Галиции Польшей не является прогрессивным завоеванием, которое отвечает новому характеру политического и духовного существования, а относится к завоеваниям разрушительным, которые в одинаковой мере есть проклятие для победителей и побежденных”. В соответствии со своими мировоззренческими принципами ученый считал, что примирение в пространстве Восточной Европы в послевоенный период возможно лишь при условии разрешения “украинского вопроса”.

Если вернуться к историографической ценности труда, то следует отметить, что многие страницы его отданы анализу форм национальной государственности в Надднепрянской Украине. Так, осмысливая генезис Гетманата Павла Скоропадского, Кучабский утверждал, что это политическое образование не было естественной властью для украинцев, а являлось режимом, рожденным в компромиссе между интереса-

³ Кучабский опубликовал небольшую работу о Липинском в 1932 г.: В. Кучабський. Значіння ідей Вячеслава Липинського // Дзвони. 1932. Ч. 6. С. 403-419.

ми украинских собственников и российскими силами. Внутренняя жизнь Гетманата стала своеобразным полем противостояния “всероссийской реакции и восточноукраинской революционной демократии”. Проследившая историю Директории Украинской народной республики, автор тенденциозно оценивает ее успехи, с одной стороны, оправдывая борьбу с большевизмом, с другой – выступая против союза с поляками. Достаточно сдержанными предстают перед читателем характеристики С. Петлюры, генералов М. Омеляновича-Павленко и А. Грекова, а также диктатора ЗУНР (ЗО УНР) Е. Петрушевича.

Взаимоотношения между галицким и надднепрянским политическими лидерами Кучабский рассматривал в контексте объединительного процесса после принятия Акта воссоединения 22 января 1919 г. Ученый достаточно четко определил их суть и последствия. В основе внутреннего конфликта в соборной украинской державе лежала неподготовленность, политическая незрелость украинских элит. Фактически автор впервые очертил политическую составную “линии раскола” между галичанами и надднепрянцами: идеологическое противостояние консервативно-националистической и народно-социалистической идеологии в объединенном лагере

украинских сил; разное видение моделей общественного развития Украины; наличие разных образов внешнего врага, основанных на противоположных рецепциях “Другого” в галицком и подросийском социуме.

Нельзя не выделить и тщательный аналитический подход в осмыслении сущности российской контрреволюции. Мысли Кучабского по этому вопросу служат примером историософской интерпретации. Он утверждал, в частности, что приверженность лидеров и идеологов белого движения идее включения Украины в состав тела “новой” России будет иметь следствием восстановление империи и дальнейшее разрушение общественного уклада. Парадоксально, но в то же самое время только отказ украинцев от национальных чаяний позволял им получить поддержку от Антанты и Деникина в борьбе с большевизмом и надеяться на сохранение определенного государственного статуса. Мысль Кучабского о том, что с Украиной Россия всегда будет империей, опередила свое время. Главный вывод своей книги он формулирует в контексте исторических перспектив и приходит к мысли, что Западная Украина как геополитическая целостность благодаря формированию и развитию Западноукраинской Народной Республики защитила “новую”

Центральную Европу – Польшу и Чехословакию – от большевизма, фактически остановила его распространение и в Западной Европе.

Сегодня книгу Кучабского нельзя, конечно, рецензировать как современное исследование, необходимо также учитывать и факт непосредственного участия ее автора в описываемых событиях. Через весь текст “красной нитью” проходит ощущение борьбы между авторскими идейными принципами и постоянными попытками изложить материал беспристрастно и объективно. Ученый одним из первых в зарубежной украинской историографии концептуализировал идею государственности в свете исторического опыта бурного начала XX столетия, а также реконструировал по свежим следам (воспоминаниям) сложный путь Украины к обретению самостоятельности. В письме к известному историку Ивану Крипьякевичу Кучабский так выразил свое кредо: “Чтобы мы когда-то создали свое государство, от нас зависит, приложим ли все усилия, чтобы победить. Я лично хочу эти усилия приложить, потому что иначе не было бы смысла оставаться украинцем...”⁴

⁴ Александр Кучабский. Тайна семьи Кучабских // <http://triplusa.ru/?p=298> (Последнее посещение 15 декабря 2010 г.).

Александр РЕЗНИК

Charles Kurzman, *Democracy Denied, 1905–1915: Intellectuals and the Fate of Democracy* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008). 396 pp. Bibliography, Notes, Index. ISBN: 0-674-030-923.

Профессор университета Северной Каролины Чарльз Курцман, получивший докторскую степень на социологическом факультете Калифорнийского университета (Беркли), хорошо известен специалистам по книге “Немыслимая революция в Иране” (2004)¹ и целому ряду исследований, посвященных исламу. Часть рецензируемой монографии была ранее опубликована в главном социологическом журнале США.² Плод многолетней работы Курцмана – ответ на актуальный вопрос: почему гибнут демократии?

Повествование этой увлекательной книги начинается с сюжета о Манифесте российского императора (17) 30 октября 1905 года. Конституционная уступка спровоцировала “глобальную волну демократических революций”, которые последовали в

¹ Charles Kurzman. *The Unthinkable Revolution in Iran*. Harvard, 2004.

² Charles Kurzman, Erin Leahey. *Intellectuals and Democratization, 1905-1912 and 1989-1996* // *The American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 109. No. 4. Pp. 937-986.